

**Фемистоклюс и Алкид
в «Мертвых душах» Гоголя**

О детях Манилова, Фемистоклюсе и Алкиде, как и о других детях, появляющихся на страницах «Мертвых душ», как и вообще о детских образах в гоголевских произведениях, нет специальных работ; может, потому такие работы и не пишутся, что тема детей и детства – не просто не основная и не одна из ведущих у Гоголя, но и не суть гоголевская, если сравнивать его творчество, например, с творчеством Достоевского или Л. Толстого. Так что остается в силе до сих пор всерьез не оспоренное мнение В.В. Розанова, что Алкид и Фемистоклюс – всего лишь «жалкие куклы, злая издевка над теми, над кем никто никогда не издевался»¹, «куклы, жалкие и смешные, как и все прочие фигуры “Мертвых душ”»².

В.В. Розанов, сделав акцент на «гротескной природе гоголевской поэтики»³ уловил и отметил важные, бесспорно, особенности изображения гоголевских персонажей, в том числе и интересующих нас Фемистоклюса и Алкида, с тем, однако, существенным уточнением, что в «Мертвых душах» «нет уже собственно гротескных образов куклы, маски, автомата», хотя «след гротескных образов остался», ощущаемый «в особой подаче деталей, портрета, обстановки, в особом развитии сравнений и т.д.»⁴. Остался этот гротескный след и в образах маниловских детей, но выражает он, конечно же, не *злую издевку* над символическим толкованием детскости и фигуры дитяти⁵, а понимание автором места детских образов в общей картине маниловского мира:

“Какие миленькие дети, - сказал Чичиков, посмотрев на них; а который год?”

“Старшему осьмой, а меньшему вчера только минуло шесть”, сказала Манилова.

“Фемистоклюс!” сказал Манилов, обратившись к старшему, который старался высвободить свой подбородок, завязанный лакеем в салфетку. Чичиков поднял несколько бровь, услышав такое отчасти греческое имя, которому, неизвестно почему, Манилов дал окончание на юс, но постарался тот же час привести лицо в обыкновенное положение.

“Фемистоклюс, скажи мне, какой лучший город во Франции?”

Здесь учитель обратил всё внимание на Фемистоклюса и, казалось, хотел ему вскочить в глаза, но наконец совершенно успокоился и кивнул головою, когда Фемистоклюс сказал: “Париж”.

“А у нас какой лучший город?” спросил опять Манилов.

Учитель опять настроил внимание.

“Петербург”, отвечал Фемистоклюс.

“А еще какой?”

“Москва”, отвечал Фемистоклюс.

“Умница, душенька!” сказал на это Чичиков. “Скажите, однакож” продолжал он, обратившись тут же с некоторым видом изумления к Маниловым. “Я должен вам сказать, что в этом ребенке будут большие способности”.

“О, вы еще не знаете его!” отвечал Манилов: “у него чрезвычайно много остроумия. Вот меньшей, Алкид, тот не так быстр, а этот сейчас, если что-нибудь встретит, букашку, козявку, так уж у него вдруг глазенки и забегают; побежит за ней следом и тотчас обратит внимание. Я его прочу по дипломатической части. Фемистоклюс!” продолжал он, снова обратясь к нему: “хочешь быть посланником”?

“Хочу”, отвечал Фемистоклюс, жуя хлеб и болтая головой направо и налево.

В это время стоявший позади лакей утер посланнику нос и очень хорошо сделал, иначе бы канула в суп препорядочная посторонняя капля» (VI, 30-31).

Было указано, что у показавшего «несколько детских фигур» Гоголя «нет детской психологии»⁶; нет ее, добавим, в том смысле, в каком можно говорить о детской психологии у того же Достоевского или Л. Толстого, потому что у

Гоголя вообще нет психологии в этом смысле, однако, как уже замечено про гоголевские типы, «несмотря на весь гиперболизм их художественной формы, нельзя не увидеть и подлинной психологической правды, лежащей в основе их “душевных движений”, какому бы комическому заострению ни подвергались они под пером художника»⁷. Есть психологическая правда и в том, как изображены и как ведут себя Фемистоклос и Алкид, чьи имена-цитаты⁸ прозрачно намекают на источник номинации (это Фемистокл, государственный и военный деятель из Афин, и названный при рождении Алкидом Геракл, величайший герой в древнегреческой мифологии, сын бога Зевса и Алкмены, жены фиванского царя Амфитриона) и на потенциально *героическую* биографию носителей имен, предрекающих развитие жизненного сюжета в соответствии с прототипическим сценарием.

Фемистоклос и Алкид получили имена не по христианским святым, но названы были – и названы не случайно – в честь древнегреческих героев, героя исторического и героя мифологического; так проявились эстетические предпочтения Манилова, сложившиеся под влиянием культуры сентиментализма (массовой его разновидности), включая и моду на античные имена, следствие мифологического просвещения русского общества, активно проводившегося в XVIII веке с целью европеизации страны⁹. Популяризация античной мифологии и истории становится в это время мероприятием государственного значения¹⁰. Примечательно, что Манилов, пребывая в растерянности от странной просьбы продать мертвые души, интересами государства прежде всего и озабочен; его волнует, «не будет ли эта негоция не соответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России» (VI, 35). И успокаивается, когда Чичиков заверяет его, «что казна получит даже выгоду, ибо получит законные пошлины» (VI, 36). Кошунственного характера чичиковского предложения он как будто не замечает: *гражданские постановления* важнее для него, чем христианские ценности. Давая детям языческие имена, Манилов и в этом акте вряд ли усматривал какой-либо кошунственный смысл, поскольку они включены пусть и не в христианские, но зато в государственные святцы.

В армии Манилов «считался скромнейшим, деликатнейшим и образованнейшим офицером» (VI, 25). Если эпитеты *скромнейший* и *деликатнейший* имеют отношение к маниловскому бытовому сентиментализму, то эпитет *образованнейший* как раз и предполагает знакомство с античной историей и мифологией, пригодившееся при наречении детей знаковыми именами. О важности для Манилова интересов государства говорит не только сопровождавшее его вопрос Чичикову «такое глубокое выражение», показавшееся вдруг «во всех чертах лица» и «в сжатых губах», «какого, может быть, и не видано было на человеческом лице, разве только у какого-нибудь слишком умного министра, да и то в минуту самого головоломного дела» (VI, 35-36), но и развертывающийся в его воображении сюжет, «что они вместе с Чичиковым приехали в какое-то общество, в хороших каретах, где обворожают всех приятностию обращения, и что будто бы государь, узнавши о такой их дружбе, пожаловал их генералами» (VI, 39). Внезапное повышение в чине, чему способствует *приятность обращения*, по достоинству оцененная государем, совершается в пространстве мечты. Можно думать, что порождаемые именно этим пространством государственные соображения¹¹ определяют и мотивируют выбор Маниловым детских имен, сразу повышающих новорожденных в ранге, превращая их в *будущих* героев, соответствующих *дальнейшим видам России*¹².

Назвав младшего сына Алкидом, Манилов вполне мог вообразить себя не министром и не генералом даже, а кем-то вроде самого Зевса. Недаром же для Фемистоклюса прочит он дипломатическое поприще: для всемогущего Зевса нет ничего невозможного. Чичиков, например, уверен, что председатель палаты «мог продлить и укоротить по его желанью присутствие, подобно древнему Зевесу Гомера, длившему дни и насылавшему быстрые ночи, когда нужно было прекратить брань любезных ему героев или дать им средство додраться» (VI, 139). Так что примеры из античной мифологии воодушевляют в гоголевской поэме не одного Манилова. О том, что античное язычество действительно служило для чувствительного Манилова образцом, свидетельствует и надпись, которой была украшена беседка в его усадьбе: «храм уединенного размышления»

(VI, 22). Описание маниловской усадьбы Е.А. Смирнова сравнивает с картинами дантовского первого круга: «Об обитающих в Лимбе героях-язычниках (реально существовавших и мифологических) невольно напоминают имена Фемистоклоса и Алкида»¹³. Эти имена соприродны маниловскому миру, где сентименталистски окрашенные мечтания питаются усадебным патриотизмом.

Номинация детей Манилова выглядит не только не случайной, но весьма знаменательной. Сквозь образы Фемистоклоса и Алкида, собственные имена которых оказываются и именами нарицательными, просвечивает пародируемый план, придающий как изобразительным деталям, так и самим именам «двойной оттенок»¹⁴. Ср.: «Какой злой иронией проникнут у Гоголя рассказ о приготовлении детей в дипломаты, когда они еще не умели утереть своего носа»¹⁵. Но здесь у Гоголя не «злая ирония», а именно пародия.

Древнегреческие мифы и их герои не раз подвергались в мировом словесном творчестве пародийно-трагедийной обработке; исключительно популярной была, например, фигура «комического Геракла»¹⁶. В случае Гоголя речь идет не о пародировании «эпической героизации»¹⁷, а о пародийной имитации биографических историй значимых фигур древнегреческой истории и мифологии.

Так, древний Фемистокл еще в детстве «был полон бурных стремлений» и «сам развивал в себе склонность к подвигам и к общественной деятельности»; его учитель «не раз говаривал ему: “Из тебя, мальчик, не выйдет ничего посредственного, но что-нибудь очень великое, - или доброе, или злое!”»¹⁸. В «Мертвых душах» воинственность Фемистоклоса заставляет учителя принять «суровый вид»: «Это было у места, потому что Фемистоклос укусил за ухо Алкида, и Алкид, зажмурив глаза и открыв рот, готов был зарыдать самым жалким образом, но, почувствовав, что за это легко можно было лишиться блюда, привел рот в прежнее положение и начал со слезами грызть баранью кость, от которой у него обе щеки лоснились жиром» (VI, 31). В характере будущего героя, которого ожидает *что-нибудь очень великое*, вдруг обнаруживается нечто злое, признак заключенных в нем дурных задатков.

Древний Фемистокл отличался не только военными, но и дипломатическими способностями: «Но главная заслуга Фемистокла та, что он положил конец междоусобным войнам в Элладе и примирил отдельные государства между собою, убедив их отложить вражду ввиду войны с Персией <...>»¹⁹. Понятно желание Манилова видеть своего сына *посланником*: данное ему и звучащее как *отчасти греческое имя*²⁰ просто обязывает следовать историческому образцу.

Алкид-Геракл, не рассчитав силы удара, убил кифарой своего учителя музыки Лина, прибегнувшего к наказанию, а у глашатаев царя Эргина, требовавших дань с фиванцев, он отрубил носы, уши и руки и отослал их вместо дани²¹. В «Мертвых душах» эти эпизоды из биографии мифологического героя подаются в пародийном освещении и откровенно травестируются. Прощаясь с детьми Манилова, Чичиков увидел, что те «занимались каким-то деревянным гусаром, у которого уже не было ни руки, ни носа»; Фемистоклюсу, учитывая его воинственные наклонности, он собирается привезти саблю, Алкиду тоже обещает подарок с намеком:

“А тебе барабан; не правда ли, тебе барабан?” продолжал он, наклонившись к Алкиду.

“Парапан”, отвечал шепотом и потупив голову Алкид.

“Хорошо, я тебе привезу барабан. Такой славный барабан, этак всё будет: турррр.. ру... тра-та-та, та-та-та... Прощай, душенька! Прощай!” Тут поцеловал он его в голову и обратился к Манилову и его супруге с небольшим смехом, с каким обыкновенно обращаются к родителям, давая им знать о невинности желаний их детей» (VI, 38).

Желания маниловских детей и в самом деле выглядят вполне невинными. Они хоть и оставили деревянного гусара без руки и без носа, что вызывает комические ассоциации с поступком Геракла, жестоко обошедшегося с царскими глашатаями, но барабану уж точно не грозит роль мифологической кифары: этим ударным музыкальным инструментом робкий Алкид вряд ли решится ударить своего строгого учителя.

Чичиков называет Фемистоклоса и Алкида «миленькие малютки» и «мои крошки» (VI, 38). Однако используемые Чичиковым для смягчения речи уменьшительные формы связаны скорее с сентиментальной атмосферой маниловского дома, в которую он успел погрузиться, чем с христианским образом дитяти²². В детях Манилова действительно нет, что так возмущало В.В. Розанова, черт, свойственных символическому евангельскому образу; они явно от «мира сего», а не от «царства небесного», а их комическое изображение имеет отношение к серьезной теме (которую будет развивать потом Достоевский) «происхождения зла, первого отклонения от чистоты и невинности»²³.

Дело, разумеется, не в том, что их небесными патронами выступают древнегреческие герои, а не христианские святые, и что через данные им языческие имена они могут получить поддержку именно этих героев, а не святых. Чичиков, например, носит знаковое для христианской традиции имя Павел²⁴, но особой святостью его образ жизни и его поступки не отличаются. Манилову он предлагает передать ему или уступить «не живых в действительности, но живых относительно законной формы» (VI, 34), а в разговоре с Собакевичем «никак не назвал душ умершими, а только несуществующими» (VI, 101). Тема *несуществующего*, актуализируя проблему зла и его происхождения²⁵, принципиально важна как для поведения приобретателя мертвых душ, так и для картины маниловского мира.

Знаменательна в этом смысле путаница названий деревни Манилова и несуществующей Заманиловки:

“На вопрос, далеко ли деревня Заманиловка, мужики сняли шляпы, и один из них, бывший поумнее и носивший бороду клином, отвечал: “Маниловка, может, а не Заманиловка?”

“Ну да, Маниловка”.

“Маниловка! а как проедешь еще одну версту, так вот тебе, то-есть так прямо направо”.

“Направо?” отозвался кучер.

- Направо, - сказал мужик. “Это будет тебе дорога в Маниловку; а Заманиловки никакой нет. Она зовется так, то-есть ее прозвание Маниловка, а Заманиловки тут вовсе нет. Там прямо на горе увидишь дом, каменный, в два этажа, господский дом, в котором, то-есть, живет сам господин. Вот это тебе и есть Маниловка, а Заманиловки совсем нет никакой здесь и не было” (VI, 22).

Между тем и Маниловка, подобно Заманиловке, которой *тут вовсе нет*, обладает свойством заманивать и морочить, обнажая значимые признаки «локуса ‘кажимостей’»²⁶. С обманным местом, где на всем лежит отпечаток мнимости и фиктивности, связаны и имена маниловских детей.

Рассуждения Манилова демонстрируют его склонность к пустой мечтательности, «чтобы этак расшевелило душу, дало бы, так сказать, паренье этакое...» (VI, 29); примечательно, что все задуманные им «прожекты так и оканчивались только одними словами» (VI, 25). Чичикова, чья странная просьба ставит его в тупик, Манилов принимает за такого же, как и он сам, любителя *слов*: «Может быть, вы изволили выразиться так для красоты слога?» (VI, 35). Чичиков, однако, ссылается на «закон», перед которым будто бы *немеет*: «Последние слова понравились Манилову, но в толк самого дела он всё-таки никак не вник» (VI, 35). Так и имена (то есть *слова*), выбранные им для детей, Манилову безусловно *понравились*, но *в толк самого дела* он все-таки и здесь не вник; получилось, что имена были даны *для красоты слога*.

При первом знакомстве Манилов показался Чичикову «обходительным и учтивым» (VI, 16). Зато у Фемистоклюса и Алкида *обходительность* и *учтивость*, судя по их поведению, явно отсутствует; видно, что воспитанием детей Манилов, у которого «хозяйство шло как-то само собою» (VI, 25), не занимается, предпочитая, чтобы и оно *шло как-то само собою*²⁷. Потому воспитание и передоверено учителю, не случайно производящему столь комичное впечатление²⁸. Так, заметив, что хозяин и гость «были готовы усмехнуться», он «в ту же минуту открывал рот и смеялся с усердием. Вероятно, он был человек признательный и хотел заплатить этим хозяину за хорошее обращение» (VI, 31). Это такой же фиктивный учитель, как фиктивны занимающие Манилова «прожек-

ты», как фиктивно все, имеющее отношение к перепутанной с несуществующей Заманиловкой Маниловке.

Изумившие Чичикова *отчасти греческие* имена воплощают в себе пустые мечтания Манилова о *героическом* будущем его детей. Эти *несуразные* имена сродни *несуразному* мосту, который строится в воображении Манилова²⁸. Была отмечена показательная неопределенность его характера: «Все в Манилове – неизвестно; все – фикция <...>»³⁰. Ср.: «В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: какой приятный и добрый человек! В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: чорт знает, что такое! и отойдешь подальше» (VI, 24). Фиктивностью отмечены и его мечтания. Имена древнегреческих героев, обнажая пласт пародийной античности в поэме, характеристикой детей Манилова не служат и не определяют их будущую судьбу³¹. В гоголевской поэме они выполняют другую функцию. Фемистоклос и Алкид – это не только имена-цитаты и пародийные имена-двойники³², но прежде всего имена-фикции, соответствующие картине маниловского мира, где все, подобно самому Манилову, поистине «ни то ни сё» (VI, 24).

Примечания

¹ Розанов В.В. Собр. соч. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. М., 1996. С. 22.

² Там же. С. 142.

³ Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996. С. 360.

⁴ Там же. С. 263.

⁵ Ср.: Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 172-173.

⁶ Мильдон В.И. Эстетика Гоголя. М., 1998. С. 34.

⁷ Смирнова Е.А. К вопросу о психологизме в творчестве Гоголя // Филологический сборник. Л., 1970. С. 68.

⁸ Об интертекстуальном потенциале имени, выступающем в роли цитаты (таковы имена литературных и мифологических персонажей, исторических деятелей и др.), и о функции имени-цитаты см.: Виноградова Н.В. Имя персонажа в художественном тексте: функционально-семантическая типология: Автореф. канд. дис. Тверь, 2001. С. 17-18.

⁹ См.: Живов В.М., Успенский Б.А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII-XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). 2-е изд. М., 2000. С. 484.

¹⁰ Там же. С. 491.

¹¹ Соображения эти вряд ли свидетельствуют о том, «что в Манилове есть определенные признаки принадлежности его к высшему бюрократическому слою России» (*Лихачев Д.С. Социальные корни типа Манилова // Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. Л., 1984. С. 32*), хотя государственной бюрократии и государю как ее главе были не чужды увлечения «в сентиментальном духе» и такого же рода «излияния чувств» (Там же. С. 33, 35).

¹² Показательно уподобление О. Сомовым в опубликованном в 1832 году «Алкиде в колыбели» Алкиду-Гераклу России, судьбу которой «предрекла сия замысловатая басня древности»: «Кто ныне в тебе не узнает Алкида возмужалого?» (*Сомов О.М. Были и небылицы. М., 1984. С. 286*).

¹³ *Смирнова Е.А. Поэма Гоголя «Мертвые души». Л., 1987. С. 129.*

¹⁴ *Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 212.*

¹⁵ *Аристов Н. Иноземное влияние в России, изображенное Гоголем в его сочинениях // Н.В. Гоголь и Православие. М., 2004. С. 378.*

¹⁶ См.: *Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 419-420.*

¹⁷ Там же. С. 421.

¹⁸ *Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2 т.: Пер. с древнегр. М., 1986. Т. I. С. 216.*

¹⁹ Там же. С. 221.

²⁰ Русское «Фемистокл» образовано из греческого имени Themistoklēs: themistos справедливый+ kleos слава (Справочник личных имен народов РСФСР. 3-е изд., испр. М., 1987. С. 531).

²¹ См.: *Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима. М., 1990. С. 151-152. Ср.: Зайцев А.И. Геракл // Мифы народов мира. В 2 т. 2-е изд. М., 1987. Т. I. С. 277.*

²² Ср.: *Аверинцев С.С. Указ. соч. С. 175-176.*

²³ *Померанц Г.С. Дети и детское в мире Достоевского // Померанц Г.С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М., 1990. С. 248.*

²⁴ Ср. актуальную для «Мертвых душ» травестийную параллель между Чичиковым и апостолом Павлом: *Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя. Волгоград, 2007. С. 131, 136.*

²⁵ См.: *Лосский Вл. Догматическое богословие: Пер. с фр. // Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 304-305.*

²⁶ *Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб., 2004. С. 499.*

²⁷ Что, конечно, не красит Манилова, если вспомнить, что Гоголь «смысл воспитания видит прежде всего в том, чтобы дать выявиться природным добрым началам в человеке» (*Смирнова Е.А. Гоголь и идея «естественного» человека в литературе XVIII в. // XVIII век: Русская литература XVIII века: Эпоха классицизма. М.; Л., 1964. Сб. 6. С. 290*).

²⁸ Ср.: «Учитель у Гоголя неизменно комичен» (*Турбин В.Н. Герои Гоголя. М., 1983. С. 30*). Вообще-то не все изображенные Гоголем учителя комичны, но комичность учителя Фемистоклюса и Алкида несомненна.

²⁹ В образах маниловского воображения проявляется «гротескная поэтика не-суразности» (Манн Ю.В. Еще раз о мосте Манилова и «тайне лица» // Манн Ю.В. Диалектика художественного образа. М., 1987. С. 266).

³⁰ Белый А. Мастерство Гоголя. М., 1996. С. 98.

³¹ Имя у Гоголя может выступать и как ярлык персонажа, «указание на то, что имя определяет судьбу» (Цивьян Т. Наречение = обречение именем (Повесть Гоголя 'Шинель') // Russian Literature. 2003. Vol. LIV-I/II/III. P. 85).

³² См. об идее двойника героя в пародии: Фрейденберг О.М. О пародии // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Т. VI. С. 495.

Аннотация

В статье рассматривается способ изображения детей в «Мертвых душах». Особое внимание уделяется принципам их номинации и функциям имен-цитат, пародийных имен и имен-фикций. Выявляется взаимосвязь таких имен-фикций, как Фемистоклюс и Алкид, и картины мира, которая характеризуется мнимостью и фиктивностью.

In the present paper the Gogol's manner of representation of children in his "The Dead Souls" is considered. A special attention is paid to the principles of named the children and to the functions of the name-quotation, the name-parody and the name-fiction. The interrelation of the name-fiction such as Femistokljus or Alkid and the world model which is characterized as sham and fictitious is shown.

Сведения об авторе

Кривонос Владислав Шаевич (Самара), д.ф.н., профессор кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы Поволжской государственной социально-гуманитарной академии; заведующий кафедрой теории и истории литературы Самарского государственного областного университета (Наяновой). Автор книг: Проблема читателя в творчестве Гоголя (1981); «Мертвые души» Гоголя и становление новой русской прозы: Проблемы повествования (1985); Мотивы художественной прозы Гоголя (1999); Русская литература XIX в. (2001); Повести Гоголя: Пространство смысла (2006); От Марлинского до Пригова: Филологические студии (2007); Гоголь: Проблемы творчества и интерпретации (2009).